

DOI 10.15393/j9.art.2016.3961

УДК 821.161.1.09“18”

Любовь Викторовна Алексеева*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

lempi@mail.ru

МОТИВ СТРАННИЧЕСТВА В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению такого явления русской духовной жизни, как странничество, нашедшего широкое отражение в литературе XIX века и ставшего одним из основополагающих мотивов в творчестве П. И. Мельникова-Печерского. Возможность использования разнообразных модификаций понятия в художественном творчестве Мельникова-Печерского явилась следствием многозначности лексем «странник», «странничество» в языке XIX века, вызванной развитием странничества как историко-культурного явления. Анализ в статье различных форм проявления странничества на материале рассказа «Полярков» (1857) и повести «Гриша» (1861) позволяет реконструировать содержательное наполнение «странничества» в ранних художественных произведениях Мельникова-Печерского. Различные смыслы — социокультурные и исторические, — вкладываемые писателем в понятие «странничество», выявляются посредством анализа образов странников в произведениях. Мотив странничества рассматривается во взаимосвязи с душевными переживаниями главных героев — Пояркова и Гриши. В статье делается вывод о том, что мотив странничества у Мельникова-Печерского, независимо от того, какой из смыслов он реализует, является движущей силой в раскрытии образов главных героев произведений и находится в неразрывной связи с их духовными исканиями.

Ключевые слова: П. И. Мельников-Печерский, старообрядчество, странник, странничество, страннический толк, беспоповское согласие, мотив, образ

Странничество как явление русской духовной жизни нашло широкое отражение в русской литературе XIX века в произведениях Н. С. Лескова, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Г. И. Успенского, А. П. Чехова и др. Феномен странничества привлекал внимание многих писателей-путешественников, беллетристов, этнографов, фольклористов (А. С. Гиляревского, С. В. Максимова,

И. Г. Прыжова и др.), богословов (Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, И. Мейендорфа, Г. Флоровского и др.), религиозных мыслителей (Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского, В. В. Розанова, Н. С. Трубецкого и др.), историков Церкви (Г. П. Федотова и др.).

В творчестве П. И. Мельникова-Печерского мотив странничества и образ странника были едва ли не основополагающими.

Понятие «странник» в русской культуре XIX века имело множество значений — как общепринятых, так и характеризующих религиозную жизнь того времени, во многом определявшуюся церковным разделением и существованием множества старообрядческих согласий и толков. Например, в церковнославянском словаре под ред. Г. Дьяченко странничество имеет значение: «странствие, странствование; иногда взято за страннопримство, т. е. угощение прохожих людей»¹. В словаре В. И. Даля, отражающем состояние русского языка XIX века, странничество определяется как «быт, жизнь и состоянье странников, богомольцев; скитальчество»². Несмотря на узость определения понятия «странничество», его субъект «странник» понимался гораздо шире: 1) «странный, захожий, человек с чужбины, проезжий, прохожий; гость, ищущий где временного приюта»; 2) «обрекшийся на тунеядное странничество, под предлогом богомолья; скиталец, бездомный проходимец, землепроход»; 3) «скитальцы или сопелковщина, изуверный толк беспоповщины, из новейших, утверждающий видимое царенье антихриста, почему всякое повиновение власти есть смертный грех и гибель вечная; должно умереть странником, бродягой, и быть зарытым тайно где-нибудь в лесу; толк этот делится на странников, вечных бродят, и на жилых христиан, христороубимцев или страннопримцев, пристанодержателей, у которых первые находят временный приют в подпольях»³. Многозначность понятия объясняется некоторыми исследователями тем, что изначально традиция странничества на Руси была связана со старообрядчеством⁴ и лишь впоследствии стала общенациональной чертой русского характера и одним из проявлений православной культуры⁵.

На многозначность слова «странник» в тезаурусе Мельникова-Печерского указывала О. Е. Баланчук, обратившая внимание на мотив странничества и связанный с ним образ странника в рамках проблемы циклизации как принципа поэтики ранних произведений П. И. Мельникова-Печерского [1, 128].

Странничество как путешествие совершается Поярковым, бывшим чиновником, становым приставом⁶ — героем раннего одноименного рассказа П. И. Мельникова-Печерского. Через странничество Пояркова реализуется принцип, которому следовал сам Мельников-чиновник — познание народа, «лежа у мужика на полатахъ, а не сидя въ бархатныхъ креслахъ въ кабинетѣ»⁷, — и о котором говорит герой в начале своей исповеди проезжему на дороге (автору-повествователю):

...всю почти Россию пешком выходил. А ведь нашему брату, убогому страннику, в дворянские да в чиновничьи дома ходу мало: у мужичков больше привитаем, от их трапезы кормимся. От них-то и узнал я русский народ... Познавать его ведь можно только лежа на полатах, а не сидя за книгами да за бумагами, да разъезжая по казенной надобности⁸.

Определяющим образ Пояркова и художественную идею всего произведения является то, что герой не просто скитается, путешествует, а странствует по святым обителям с целью поклонения, т. е. совершает паломничество (1, 88). По словам И. В. Моклецовой, «русская паломническая традиция — уникальное проявление живой православной веры. От других видов путешествий паломничество отличается прежде всего ценностным содержанием, духовной сущностью. Оно связано с догматическим строем Православия» [15]. Можно говорить о том, что мотив странничества в рассказе восходит к древнерусскому жанру хождений (хожений), причем к его ранней форме, когда паломники описывали свои путешествия к святым местам (Хождение игумена Даниила, Хождение священноинка Варсанофия ко святому граду Иерусалиму и др.).

Путешествие (в традиционном понимании этого слова) в дальние места чиновника Пояркова, ищущего возможности отомстить губернатору, отстранившему его от должности, становится странствием по святыням. Переломный момент

наступает тогда, когда на пути ему встречается старец, идущий из Киева в Саровскую пустынь. Этот старец, «человек Божий», имевший «дар прозорливости», всю жизнь Пояркова «ровно по книге вычитал» и предрек конец его страданиям у мощей Иоанна Многострадального в Киеве (1, 92)⁹. С этого момента начинается духовное перерождение Пояркова: «И сам не знаю, что со мной сделалось <...> благодать-то Божия коснулась окаменелого сердца» (1, 92). Кульминация просветления бывшего грешника происходит у святых мощей в Киеве, с пути к которым герой неоднократно сбивался под действием бесовской силы: «И тут во мне ровно что просияло, и заплакал я сладкими слезами... Мерзка и нечестива показалась мне прошлая жизнь!» (1, 92). Под влиянием очищающей силы святыни Поярков берет на себя обет странствования по обителям.

Паломничество Пояркова к древнерусским святыням — мощам странствующего праведника Симеона Верхотурского¹⁰, преподобного Кирилла Белозерского¹¹, печерского подвижника XII века Иоанна Многострадального, к иконе Почаевской Богородицы¹², на Соловки, в Воронеж к мощам святителя Митрофана¹³ — духовно преображает, очищает от грехов жизнь бывшего станового пристава, которыми она была наполнена. Странствующий старик-богомolec¹⁴ Поярков, встретившийся на дороге автору-повествователю, предстает перед ним уже человеком верующим, просветленным. Об этом свидетельствует и его внешний облик, которому приданы черты, сближающие его с образом святого: «старичок в изношенном сюртуке, с котомкой за плечами», «возле него клюка», «пепельного цвета лицо <...> и раскинутые по плечам седые, как лунь, волосы» (1, 87).

Странничество по святым обителям становится завершающим этапом духовного перерождения героя — перехода от греха к праведничеству, к вере¹⁵. Мотив странничества в рассказе выражает традиционное представление о явлении как движении, перемещении в пространстве, путешествии, которое на русской почве наполняется особым — возвышенным религиозным, духовным — смыслом¹⁶. Странничество обретает направленный характер — стремление человека к совершенствованию, поиск истины, правды на земле, высшего

смысла жизни, реализуемые через подвижничество. Это символ духовного восхождения человека — в случае с Поярковым явно выраженный — от греха к обретению веры. По словам Р. А. Бурханова, «странничество — своего рода духовный подвиг, один из путей спасения наряду с монашеством или юродством» [2].

Если в рассказе «Поярков» странничество представлено как путешествие, имеющее и религиозное содержание (паломничество), выраженное в форме подвижничества, то в повести «Гриша» в образах странников воплощены и другие его историко-культурные формы — бесцельное скитальчество и толк беспоповского старообрядчества. Мотив странничества в повести способствует раскрытию образа главного героя — юноши-старообрядца Гриши, одержимого внутренней борьбой греховного и праведного начал. Встреча с каждым из странников порождает в герое душевные сомнения в том, есть ли на земле истинно верующий человек, более праведный, чем он, и постепенно подталкивает его к греховному падению.

Мельников-Печерский вводит в повествование образы странников — старца Чернолесского скита Мардария и бродячего инока Варлаама, которые посещают дом странноприимной старообрядки Евпраксии Михайловны Гусятниковой, воспитывавшей сироту Гришу. Автор поясняет, что таких странников, пускающихся в путь, когда наскучит жизнь в скиту, надоест подчиняться настоятелю или будут изгнаны из монастыря, немало найдется. Они «у одного доброго человека поживут, у другого, да этак бродя из деревни в деревню, из города в город, век свой меж людей и проколотятся» (1, 295). Есть и такие, что «не только в скитах не живали, не видывали их. Надел изволом манатейку¹⁷ с кафтырем¹⁸ и пошел странствовать да слыть за инок честного» (1, 295). При этом скитский старец Мардарий в дороге тщательно скрывает свое иноческое облачение — свиту, камилавку с кафтырем, лестовку¹⁹, которые могут выдать его принадлежность старообрядчеству: «В пути такой одежды носить не дерзал: в уезде — исправник да становой, в городе — городничий» (1, 295). По словам Н. И. Костомарова, старообрядчество «верное древнему преданию <...> поставляло высшим нравственным

идеалом иночество»²⁰. Дополнительные комментарии автора-повествователя к происходящим в повести событиям позволяют отнести образы Мардария и Варлаама к первому («странний, захожий, человек с чужбины...»), но в большей степени ко второму типу странника («обрекшимся на тунеядное странничество») из выделенных В. И. Далем.

Нет оснований рассматривать их как представителей страннического толка беспоповцев, несмотря на принадлежность обоих старообрядчеству. Как отмечает исследователь беспоповского согласия, главным образом страннического толка, А. И. Мальцев: «...было бы ошибкой считать, что странствование в обычном понимании этого слова — как постоянный переход из одного места в другое — когда-либо соответствовало образу жизни странников (в смысле толка беспоповства. — Л. А.)» [13, 447]. В заблуждение могут вводить устойчивые формулы, употребляемые странниками-беспоповцами: «Странствую Христа ради», «Не имею на земле себе град, а грядущаго взыскую; не имею ни дому себе, ни покрову, не имею ни села на земли, ни веси, ни род по плоти, но вся оставил Бога ради», — которые вовсе не означают, что старообрядцы страннического толка всю жизнь проводят в скитаниях [13, 447]. В понятие «странствование» в этом старообрядческом толке вкладывалось определенное религиозно-идеологическое значение [4] — переход на нелегальное положение и жизнь «под прикрытием» [13, 447].

Внешний облик Мардария и Варлаама не соответствует традиционному для русской литературы образу странника, путешествие которого — не просто преодоление определенного расстояния или скитание, но и символ духовного восхождения через трудности (каков у Мельникова-Печерского облик раскаявшегося грешника Пояркова, странствующего по святым местам; ср., например, с близким Пояркову образом Власа у Н. А. Некрасова²¹, странника в повести Н. С. Лескова «Очарованный странник»). Старцу Чернолесского скита Мардарию («тучный, красная рожа, плешь во весь лоб, рыжая борода, широкая, круглая, чуть не по пояс» (1, 295)), приехавшему на монастырской подводе, запряженной «жирной скитской лошастью» (1, 295), под стать старец Варлаам («здоровенный,

долговязый парень лет тридцати пяти, искрасна-рыжий, с прыгающими глазками и редкой бородкой длинным клинышком» (1, 296)). Но их наружность не смущает Гришу и страннлюбивую Евпраксию Михайловну, которые тронуты внешним благочестием странников: старцы ведут «премудрую» беседу, творят друг другу метания²², Мардарий кладет уставной семипоклонный начал²³, Варлаам держит пятилетний обет сухоядения и пересказывает «повесть от Пандока»²⁴ о том, «откуда взялось хмельное питье и как оно человека от Бога отводит» (1, 296–297). Сомнение в благочестивости странников зарождается в Грише тогда, когда во время пиршества прорываются наружу все пороки отца Варлаама, не соответствующие образам «святоподвижных отцов» и поначалу воспринимающиеся как юродство. Но юный келейник не может вспомнить из всего прочитанного им в «Патериках», «Прологах», разных «Цветниках» и «Сборниках», чтобы «бес, вселясь в инока, при двадцати человеках такие дела творил...» (1, 301). Сомнения Гриши в ложной благочестивости Варлаама рассеиваются, когда выясняется, что он выгнан из скита за пьянство и непотребство, сидел в остроге и неоднократно наказывался своими же — старообрядцами. Разочарование в таких подвижниках, как Мардарий и Варлаам, еще больше укрепляет в Грише горделивые мысли о своей праведности.

Немаловажно, что уже на этом этапе в юном келейнике зарождается не только пагубная гордыня, но и идеи, лежащие в основе учения страннического толка. Эти мысли формируются в Грише под влиянием книг задолго до встречи с одним из представителей странничества — Ардалионом:

С ранней молодости наслушался Гриша о нынешних последних временах, о том, что народился антихрист и пустил по земле нечестие: стали люди брады брить, латинску одежду носить, чай, треклятую траву, пити, табачное зелие курити, пачпорты с бесовской печатью при себе держати. Куда деваться от него? Смотрит в книги, видит, что от злобы антихриста истинные христовы рабы имут бежати в горы и вертепы, имут хорониться в пропасти земные; а кто не побежит из смущенного мира, тот будет уловлен в бесовские сети и погибнет погибелью вечной... (1, 301–302).

А. И. Мальцев отмечает, что вероучение странников выделилось в самостоятельное течение беспоповства в 60-е годы XVIII века, а в 80-е годы идеи страннического учения были отчетливо сформулированы в сочинениях одного из старообрядческих идеологов — инока Евфимия, оказавшего значительное влияние на становление этого толка [11, 4]²⁵. Странничество, в котором сильны были эсхатологические настроения, имело свою особенность, отличавшую его от других течений старообрядчества, — «апологию побега, выхода за пределы “антихристового” мира» с целью спасения души, при том, что «само по себе прославление побега и пустынножительства присуще практически любому течению старообрядчества» [12, 312]. Апологизируя идею побега, который воспринимался не просто как способ спасения души, а как религиозный долг истинно верующего человека, странники признавали мирскую жизнь чуждой правой веры (см.: [11, 3]; [12, 312]) и призывали отречься от мира, житейских забот, имущества (см.: [14, 169]). Себя представители странничества считали совершенными христианами, что и нашло отражение в полном названии толка — истинно-православные христиане странствующие (см. подроб.: [10]). Под антихристом, воцарившимся над миром, странники подразумевали государство и императора Петра I, политика которого была направлена на прекращение распространения старообрядчества и постепенное его исчезновение. По учению Евфимия, антихрист запретил людям покидать богопротивный мир и приступил к его порче, поэтому инок призывал истинных христиан бежать из мира вопреки запретам [13, 448]. Как указывает А. И. Мальцев, среди странников практиковалось два вида укрывательства: в тайных пустынях или в домах мирских благодетелей-странноприимцев, живших в сельской местности или в городах [13, 448].

Келейник Гриша, уверенный в собственной праведности, одержим мыслью найти духовного наставника и бежать с ним в пустыню от «смущенного мира», чтобы не «погибнуть погибелью вечной» от действий дьявола. Наблюдая за тем, как старообрядцы разных толков и согласий спорят друг с другом («поповщинские раскольники спорили меж себя насчет нового

австрийского священства; много раз слышал, как поморцы хулят поповщину за попов, федосеевцы поморцев за браки, филипповцы федосеевцев за то, что не по уставу кладут поклоны, а бегуны сопелковские всех проклинают, кто в своем доме живет»), Гриша задается вопросом: «где ж правая вера, где истинное учение Христово?» (1, 303) — и, не найдя вокруг истинно верующего, с его точки зрения, человека, видя во всех антихристовых слуг, распаляется людской злобой (1, 302).

Гордость и человеконенавистничество помешали Грише разглядеть в странствующем иноке Досифее истинного подвижника веры, идеал пустынножителя, который искал и к которому стремился юный келейник. Внешний облик старца отсылает к образам святых преподобных в агиографической литературе: «Вошел древний старец высокого роста. Преклонные лета, долгие подвиги сгорбили стан его; пожелтевшие волосы неровными включенными прядями висели из-под шапочки. На старце дырявая лопатинка, на ногах протоптанные корцовые лапти; за плечами невеликий пещур» (1, 303), «вросшие в тело старца железные вериги» (1, 304). Возможно, что и имя герою повести дано не случайно — в честь святого Досифея (ум. 1482), упоминаемого в «Повести о пустынножителях Соловецкого острова» как соловецкого подвижника, затворника²⁶.

Принадлежность Досифея — пустытника, жившего «под скрытием» в Поломских лесах²⁷, обескровленного пожаром и нашедшего себе временный приют в доме странноприимицы Евпраксии Михайловны, — к «бегунам сопелковским»²⁸ страннического толка определяется самим Гришей по характерной фразе, которую произносит инок в ответ на вопрос, откуда и в какие земли он держит путь: «Града настоящего не имею, грядущего взыскую...», — и размышлениям о земном и душевном путях человека: «...путь же душевный подобает нам, земным, к солнцу правды держати, аще тако отец небесный устроит. Телесный же путь кто исповесть?» (1, 304). Истинное подвижничество, глубокий аскетизм Досифея на время смиряют гордыню Гриши, но идея евангельской любви к людям, независимо от веры, проповедуемая странником («Все мы братья, все единого Христа исповедуем» (1, 308)), оказывается

неприемлемой для юноши-старообрядца, поглощенного чувством ненависти к «неправоверным» «никонианам». Напутственные слова Досифея: «Сам Господь да просветит ум твой и да очистит сердце твое любовью» (1, 309) — остаются непонятыми Гришей, убежденным в том, что наиболее праведным занятием является борьба с «никонианской ересью», а не смирение пред волей Бога.

Представляется затруднительным дать однозначную семантическую трактовку странничеству Досифея. С одной стороны, оно определяет принадлежность героя странническому толку старообрядчества, но сам подвижник высшей ценностью признает веру в Бога, смирение перед Его волей, человеколюбие, а не соблюдение внешней обрядовости, согласно своей вере. Поэтому на вопрос Гриши, заподозрившего инок в «никонианстве», в отступничестве от старой веры, Досифей, не отрицая свое старое крещение и следование до-никоновским, филаретовским и иосифовским, книгам, называет себя христианином, верующим в единого Христа. С другой стороны, странничество Досифея, следующего проповеди пустынножительства, как временное состояние вследствие утраты крова — уединенной кельи в лесу, — оказывается близким по смыслу скитальчеству.

И, наконец, странничество в смысле толка беспоповства воплощено в повести в образе странника Ардалиона, который оказывает решающее, губительное действие на смущенную душу юноши-старообрядца Гриши. В отличие от положительных образов Пояркова и Досифея, во внешнем облике которых проявляются праведнические черты, внешность Ардалиона производит отрицательное впечатление и ассоциируется со злом и ложью:

Сухой, невысокого роста, с живыми, черными, как уголь, горящими глазами <...>. Реденькая бородка была тщательно расчесана; недлинные, но гладко примазанные волосы спускались с головы кудрявыми, черными как смоль прядями. Поступь тихая, степенная, осторожная — ни дать ни взять, кошачья. Инок был такой чистенький, такой гладенький, речь была такая томная, сладостная, вкрадчивая (1, 311).

Характерным признаком, выдающим религиозную принадлежность Ардалиона, является то, что, соблюдая строгий аскетизм, «доброопасную строгость в общении с малознаемыми людьми имел...» (1, 312): останавливаясь во время странствования только у «древлеправославных», в чужом доме к еде не прикасался, пока не положит сотню земных поклонов, не очистится молитвой, ел и пил из своей посуды, воду носил в своем туеске, чужим иконам не молился — ставил свои медные образа. Интерес у Ардалиона вызывает исключительно капитал хозяйки купеческого дома Евпраксии Михайловны: «каковы у нее дела по торговле, воротились ли из Москвы сыновья, за наличные ли деньги товар они продали...» (1, 312), — но свои корыстные намерения он скрывает:

Ох, суета, суета! <...> Как-то за эту суету на страшном Христовом судище ответ давать? Всяким людям, чадо, уготована часть в Царствии Небесном; внидут в селения праведныя и тати, и разбойники, и блудники, и сластолюбцы, аще добрым покаянием, постом и молитвою очистят грехи свои; не внидут же токмо еретик и богатый... Нет им части в славе божей!.. (1, 312)²⁹.

Примечательно, что речь Ардалиона содержит церковнославянизмы («тати», «аще», «токмо»), аллюзии на Священное Писание (Мф. 19:23–24, Мк. 10:23, Лк. 18:24–25, 1 Кор. 6:9–10³⁰), но представляет его искаженное понимание, дополняемое героем в зависимости от того, какие мысли требуется внушить внимающему его словам. В данном случае Ардалион преследует цель осудить богатство хозяйки дома. Как отмечает А. И. Мальцев, странники, призывая отречься от мирских забот, «в стяжательстве <...> постоянно упрекали представителей других течений старообрядчества» [14, 169]. В 1-й половине XIX века из числа радикально настроенных по отношению к деньгам странников выделился толк «безденежников» (см., напр.: [13, 448]).

Ардалион внушает Грише учение странников о том, что все в мире отмечено антихристовой печатью, а «вера истинная — в пещерах, в вертепах, в пропастях земных» (1, 313) и, чтобы очиститься от скверны, нужно отречься от отца и матери, оставить свой дом и спастись бегством: «...беги и странствуй

по земле, дондеже воззовет тя Господь. Свой кров иметь — грех незамолимый, никакими молитвами его не избудешь, никакими поклонами его не загладишь, никаким делом душевного спасения от него себя не очистишь» (1, 314). По учению странников, чтобы противостоять антихристу, нужно уклониться от всех гражданских повинностей — видимых знаков его власти: записи в ревизии, платежа податей, военной службы, паспортов, присяги³¹. То же самое внушает Ардалион Грише. То, что он говорит о браке как о смертном грехе, позволяет относить его к странникам-бегунам, отличавшимся самым строгим аскетизмом.

Рассказы странника Ардалиона о земном рае, граде Китеже, Кирилловских горах, где можно обрести истинное спасение, постепенно искажают представления Гриши о смысле веры, о служении Богу. В устах странника известная легенда о невидимом граде Китеже — Царстве Божием на земле — приобретает иной смысл. По словам Ардалиона, попасть в невидимый град можно лишь благодаря абсолютному послушанию наставнику, готовности совершить любой поступок. Странник проверяет стойкость Гриши в вере и послушание своему новому учителю и просит юношу исполнить бесовскую песню. На такое осквернение Гриша соглашается не сразу, но желание войти в «правую веру» оказывается сильнее. Одержимый мыслью попасть в Царство Божие на земле, Гриша полностью подчиняется воле наставника.

Получив абсолютную власть над юным старообрядцем, Ардалион убеждает Гришу в необходимости принять новое крещение и имя для окончательного перехода в «правую веру» и осуществления «брани с антихристом» (1, 315). В странническом толке «физическое бегство из “царства антихриста” <...> будет считаться состоявшимся <...> после прохождения ритуала инициации (крещения). Только следующая за ним смена социального статуса позволит страннику осознавать себя в полной мере “остальцем благочестия”» [6, 27]. Внушение Ардалионом Грише, принявшему новое крещение с именем с именем Геронтий, что «сила днешняго антихриста — деньги» и что «вся эта пестрая поповщина, хромья души, как бывшая хозяйка твоя со всем своим мерзким отродьем — антихрист»,

оказывает решающее влияние на новообращенного юношу, который в исступлении просит у своего наставника благословения и, наконец, идет на преступление — кражу сундука с деньгами у хозяйки дома, что приводит к ее гибели, — и совершает бегство (1, 321–322). Желание окончательно приобщиться к «истинно-православным христианам странствующим» заставляет Гришу выполнить последнее требование своего наставника: оставить вместе с ним «богопротивный мир» ради идеала пустынножителства. Такой исход становится закономерным следствием безоговорочного подчинения Гриши лжеучителю, «совершенного отсечения своей воли, совершенной смерти всякого помысла, всякого пожелания» (1, 316).

Таким образом, в мотиве странничества в раннем творчестве Мельникова-Печерского выражены разнообразные семантические модификации этого понятия, многообразие которых связано с наличием в XIX веке различных культурно-исторических форм данного явления. Несмотря на своеобразие материала, явившегося основой художественного творчества Мельникова-Печерского, можно говорить об определенном балансе между ними: путешествие как паломничество, бесцельное скитальчество («тунеядное странничество»), странничество как образ жизни, странничество как толк беспоповства. Независимо от формы выражения, странничество у Мельникова-Печерского в той или иной степени связано с духовными поисками героев: в рассказе «Поярково» через странничество героя осуществляется его преображение, путь к Богу, в повести «Гриша» — проверяются нравственная стойкость, внутренняя сила, вера юного келейника. Мотив странничества в «Поярково» и «Грише» участвует в качестве движущей силы в раскрытии образов главных героев.

Примечания

* Исследование выполнено по гранту Министерства образования и науки России «Новые источниковедческие и текстологические исследования русской словесности XIX–XX веков» (№ 34.1126).

¹ Полный церковно-славянскій словарь / сост. Г. Дьяченко. Репринт. воспроизв. изд-е 1900 г. М.: Издат. отдел Московского Патриархата, 1993. С. 670.

² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.:

- Русский язык, 1980. Т. 4. С. 335.
- ³ Там же. С. 336.
- ⁴ См. о феномене странничества как важной части русской православной культуры, напр.: [16].
- ⁵ О развитии странничества в западноевропейской и русской культурах см.: [4].
- ⁶ Становой пристав — полицейский чиновник (см.: Даль В. И. Толковый словарь. Т. 4. С. 313).
- ⁷ Автобиография П. И. Мельникова // Сборник Нижегородской Ученой Архивной Комиссии в память П. И. Мельникова (Андрея Печерского). Н. Новгород: Типо-Лит. Т-ва И. М. Машистова, 1910. Т. IX. Ч. 1. С. 77.
- ⁸ Мельников П. И. Собр. соч.: в 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 1. С. 88. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома и номера страницы в круглых скобках.
- ⁹ Иоанн Многострадальный — печерский подвижник XII века, который всю жизнь провел в борьбе с плотью; однажды закопал себя в землю по плечи в пещере на время Великого поста. Негленные мощи его хранятся в Антониевой пещере (см.: Христианство: энциклопедический словарь: в 3 т. / ред. кол. С. С. Аверинцев (гл. ред.). М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 1. С. 617).
- ¹⁰ Симеон Верхотурский (Меркушинский) — св. праведный XVII века, достигший совершенного смирения и нестяжательства тем, что, странствуя по сибирским деревням, шил беднякам одежду, а чтобы не брать с них плату, что-нибудь не доделывал, за что терпел поношения и побои. Служил примером стойкости в вере и благочестии. В 1704 году его мощи были перенесены в Верхотурский Николаевский монастырь. Считается, что у мощей Симеона совершаются чудеса — происходят чудесные исцеления, спасаются странствующие путешественники (см.: Энциклопедия православной святости: в 2 т. / авт.-сост. А. И. Рогов, А. Г. Парменов. М.: Лик пресс, 1997. Т. 2. С. 157; Христианство: энциклопедический словарь. Т. 2. С. 564).
- ¹¹ Кирилл Белозерский (в миру Козьма) — основатель Кирилло-Белозерского монастыря, преподобный Русской Церкви, литературный деятель XIV — 1-й трети XV вв. Принял иночество в Симоновом монастыре, став впоследствии его игуменом. Следуя своему видению, удалился из Симонова монастыря и выбрал место для будущего монастыря на Белоозере, первоначально устроив себе на том месте пещеру. Его подвижническая жизнь, мудрость, образованность привлекала многих людей, искавших праведной жизни. Вследствие этого пещера разрослась в монастырь, получивший название Кирилло-Белозерский. Монастырский устав, составленный Кириллом, отличался еще большей строгостью, чем симоновский, и освящался примером жизни самого настоятеля. При жизни преп. Кирилл прославился даром прозорливости и чудесных исцелений (см.: Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во П. П. Сойкина,

1913. Стб. 1302–1303; Преподобный Кирилл Белоозерский, игумен // Православный церковный календарь [Электронный ресурс]. URL: <http://azbyka.ru/days/sv-kirill-belozerskij>).
- ¹² История иконы Почаевской Богородицы неразрывно связана с Успенской Почаевской лаврой в Львовской области на западе Украины. Расцвет обители, основанной в сер. XIII века, начался в кон. XVI — нач. XVII вв. с момента получения в дар от помещицы Горской чудотворной иконы, от которой исцелился ее слепорожденный брат. В 1675 году Почаевская обитель была спасена от турок молитвами осажденных монахов перед Почаевской иконой. Ныне святыня находится в иконостасе Успенского собора Почаевской лавры (см.: Энциклопедия православной святости. Т. 2. С. 102; Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Стб. 1870).
- ¹³ Святитель Митрофан (в миру Михаил) (1623–1703) — епископ воронежский, назначенный по желанию Феодора Алексеевича. До своего назначения Митрофан был игуменом одного из северных монастырей, жизнь в котором отличалась строгим аскетизмом и соблюдением монастырского устава, которым следовал и сам настоятель. После своего рукоположения в епископы всю жизнь старался заботиться о государственном благе, своим авторитетом способствовал укреплению царской власти, был духовным наставником Петра I. В духовном завещании дал заповедь: «Для всякого человека таково правило мудрых мужей: употреби труд, храни мерность — богат будеши. Воздержно пий, мало яждь — здрав будеши. Твори благо, бегай злаго — спасен будеши» (Святитель Митрофан, епископ Воронежский // Мир. Человек. Слово. Научный богословский портал «Богослов.RU» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mir-slovo.ru/text/11779.html>). В 1732 году мощи Митрофана были найдены нетленными (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Стб. 1574–1575).
- ¹⁴ Понятия «странник» и «богомolec», как отмечает М. М. Громыко, могли как различаться в обиходе и письменных текстах, так и отождествляться, поскольку граница между ними была не очень определенной. Странник — человек, посвятивший свою жизнь хождению по святым местам, оставив все мирское, а богомolec совершает конкретное паломничество к святым местам, после которого может вернуться к своей обычной жизни. И те, и другие, заботясь о спасении души, шли к святыням с молитвами, испытывая трудности в пути (см.: [3]).
- ¹⁵ См. подробнее о духовном перерождении Пояркова: [9].
- ¹⁶ См. подробнее о духовно-нравственном содержании русского странничества: [8].
- ¹⁷ Манатейка — от «манатья» — мантия монаха (см.: Даль В. И. Толковый словарь. Т. 2. С. 296).

- ¹⁸ Кафтырь (каптырь) — у старообрядцев: «род покрывала на камилавку, черное, отороченное красным гарусом (покрывало монашеской камилавки у староверов)» (Даль В. И. Толковый словарь. Т. 2. С. 86); также: кап(ф)тырь (каптур) — полукруглая шапочка, надеваемая монахами вместо клобука; она византийского происхождения и весьма уважается старообрядцами. У старообрядцев каптырем называется, главным образом, пелеринка, спускающаяся от шапочки на спину, а иногда то и другое вместе (см.: Энциклопедический словарь: в 41 (82+4 дополн.) т. / изд. Ф. А. Брокгаузъ и И. А. Ефронъ. С.-Петербургъ: Типо-Литографія И. А. Ефрона, 1895. Т. 14 (27). С. 401).
- ¹⁹ Свита — «верхняя, широкая долгая одежда вообще» (Даль В. И. Толковый словарь. Т. 4. С. 148). Слово «кафтан» в письменных источниках появилось только с XV века. Старообрядцы сохранили в своей среде покрой русской одежды XVII века — распашной, отрезной сзади по талии, сзади сборки и шерстяная «подоплёка» на спине. Камилавка — принадлежность одежды лиц священного сана: головной убор в виде расширяющегося кверху цилиндра, обтянутого материей. Фиолетовая камилавка выдает архиерея, протоиерея или священника, черная — рясофорного монаха или иеродиакона (см.: Энциклопедический словарь. Т. 14 (27). С. 204). Лестовка — «распространенный в Древней Руси и сохранившийся в обиходе старообрядцев тип четок, разновидность вервицы» (Русская Православная Старообрядческая Церковь [Электронный ресурс]. URL: <http://rpsc.ru/history/drevlepravoslavnie-tradicii/lestovka/>).
- ²⁰ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2004. Кн. 3. С. 483.
- ²¹ Странничество как одна из составляющих праведничества, наряду с подвижничеством и трудничеством, в творчестве Н. А. Некрасова подробно рассматривается Т. А. Житовой (см.: [7]).
- ²² Слово «метания» поясняет сам П. И. Мельников-Печерский — «слово греческое, вошедшее в русский церковный обиход, особенно соблюдается старообрядцами. Это малый земной поклон», который совершается на коленях, касаясь руками положенного на пол подручника или полы собственного платья (2, 129).
- ²³ Семипоклонный начал — молитвенное последование, называемое также приходными и исходными поклонами, совершаемое в начале и в конце церковной службы или домашней молитвы и имеющее важное значение — переход к общению с Богом. «Начал» содержит 7 поклонов с крестным знаменем. После реформ Никона семипоклонный начал сохранился только у старообрядцев (см.: Семипоклонный начал // Старообрядческий сайт «Русская вера» [Электронный ресурс]. URL: http://ruvera.ru/semipoklonnyiy_nachal).
- ²⁴ Как сообщает в комментариях к произведению Мельников-Печерский, старообрядческое «новоставленное (в XVIII веке) сочинение, наполненное вздорами о картофеле, табаке, чае и пр.» (1, 297).

- ²⁵ О странническом толке беспоповства см. подробнее: [5].
- ²⁶ Христианство: энциклопедический словарь. Т. 1. С. 487.
- ²⁷ Поломские леса, или Полома — расположены к югу от Римских (Макарьевский уезд Костромской губернии, деревни Большие и Малые Рымы), отделяясь от них верховьями р. Керженца. Как и в Римских, в Поломских лесах скрывались беглые старообрядцы (см.: 4, 81).
- ²⁸ Название произошло от села Сопелки (недалеко от Ярославля на правом берегу Волги), которое стало играть роль столицы бегунства после того, как туда переселилась последовательница Евфимия — Ирина Федорова (см.: Христианство: энциклопедический словарь. Т. 2. С. 642).
- ²⁹ Ср.: в романе «В лесах» со ссылкой на Священное Писание странствующий Яким Прохорыч Стуколов внушает Патапу Максиму Чупурину, верящему в безграничную любовь Бога к каждому человеку, независимо от его религиозной принадлежности: «И тати, и разбойницы, и волхвы, и человекоубийцы, и всякие другие грешники внидут в Царство Небесное, только еретикам, врагам Божиим, несть места в горних обителях...» (2, 252).
- ³⁰ «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:23–24, ср.: Мк. 10:23, Лк. 18:24–25).
«Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6:9–10).
- ³¹ См.: Христианство: энциклопедический словарь. Т. 2. С. 642.

Список литературы

1. Баланчук О. Е. Циклизация как принцип поэтики П. И. Мельникова-Печерского (на материале произведений 1840–1860-х гг.). — Йошкар-Ола: МГПИ, 2007. — 144 с.
2. Бурханов Р. А. Странничество на Руси: философско-антропологические и социокультурные смыслы // Вестник Нижневартковского государственного университета. — 2012. — Вып. 3: Культурология. Философия. Социология [Электронный ресурс]. — URL: vestnik.nvsvu.ru/arhiv/30/273.pdf (15.08.2016).
3. Громыко М. М. Странноприимство // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / сост. О. А. Платонов. — М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2000. — С. 483 [Электронный ресурс]. — URL: http://royallib.com/read/platonov_o/entsiklopedicheskiy_slovar_russkoy_tsivilizatsii_svyataya_rus.html#9871360 (10.08.2016).
4. Дорофеев Д. Введение в историю странничества в западноевропейской и русской культурах [Электронный ресурс]. — URL: <http://anthropology.rchgi.spb.ru/dok16.htm> (14.08.2016).

5. Дутчак Е. Е. Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX–XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 1994. — 276 с.
6. Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX — начало XXI в.) / под ред. В. В. Керова. — Томск: Изд-во Томского университета, 2007. — 414 с.
7. Житова Т. А. Идеино-художественная концепция праведничества в поэзии Н. А. Некрасова: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006. — 197 с.
8. Коровин В. Ю. Нравственные основания русского странничества: дис. ... канд. философ. наук. — Воронеж, 2009. — 143 с.
9. Кудряшов И. В. Феномен народного сознания: духовно-нравственные искания героя рассказа П. И. Мельникова-Печерского «Поярко» // Жизнь провинции как феномен духовности: материалы Международной конференции. — Н. Новгород: Вектор-Тис, 2006. — С. 147–150.
10. Лещинский А. Н., Лещинский Л. А. Истинно-православные христиане странствующие, бегуны, подпольники, сопелковцы, странники // Энциклопедия религий / под ред. А. П. Забияко, А. Н. Красникова, Е. С. Элбакян. — М.: Академический проект; Гаудеамус, 2008. — С. 564–565.
11. Мальцев А. И. Староверы-странники во второй половине XVIII — начале XIX века. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1986. — 473 с.
12. Мальцев А. И. К вопросу о возникновении страннического согласия во второй половине XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е, 1992. — С. 312–321.
13. Мальцев А. И. Об одном из основных аспектов вероучения староверов-странников // Книга и литература в культурном контексте. — Новосибирск, 2003. — С. 447–452.
14. Мальцев А. И. Проблемы церковной организации и управления в сочинениях староверов-странников (вторая половина XIX — начало XX века) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. — Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. — С. 157–176.
15. Моклецова И. В. Паломническая традиция вчера и сегодня // Императорское Православное Палестинское Общество. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/palomnicheskaya-tradiciya-vchera-i-segodnya-iv-mok-200614#t1> (12.08.2016).
16. Трофимова Е. А. Образ странника в русской культуре Серебряного века // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. — 2014. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: <http://regionsar.ru/node/1344?page=0,0> (12.08.2016).

Lyubov' V. Alekseeva

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)*

lempi@mail.ru

THE MOTIF OF PILGRIMAGE IN P. I. MELNIKOV- PECHERSKY'S EARLY WORKS

Abstract. The article is devoted to such a phenomenon of Russian spiritual life as pilgrimage, that became a popular theme of the 19th century literature and one of the basic motifs in P. I. Melnikov-Pechersky's works. The possibility to use a variety of modifications of the concept in P. I. Melnikov-Pechersky's works resulted from polysemy of the lexemes "pilgrim", "pilgrimage" in the 19th century language, caused by the evolution of pilgrimage/wandering as a historical and cultural phenomenon. The analysis of different forms of manifestation of pilgrimage, conducted in the article basing on the material of the story "Poyarkov" (1857) and the short novel "Grisha" (1861), makes it possible to reconstruct the content-related meaning of "pilgrimage" / "wandering" in P. I. Melnikov-Pechersky's early works. Various socio-cultural and historical meanings assigned by the writer to the concept of "pilgrimage" are identified through the analysis of images of pilgrims/wanderers in his works. The motif of pilgrimage is considered in interrelation with the emotional experience of the main characters (Poyarkov and Grisha). The article concludes that the motif of pilgrimage/wandering in P. I. Melnikov-Pechersky's works, no matter which meaning it implicates, is a driving force for disclosing images of the main characters of the stories and goes hand in hand with their spiritual quests.

Keywords: P. I. Melnikov-Pechersky, Russian Old Belief, pilgrim/wanderer, pilgrimage/wandering, "Wanderers" (stranniki), "Priestless" (bezzpopovtsy), motif, image

References

1. Balanchuk O. E. *Tsiklizatsiya kak printsip poetiki P. I. Mel'nikova-Pecherskogo (na materiale proizvedeniy 1840–1860-kh godov)* [*Cyclization as the Principle of the Poetics of P. I. Melnikov-Pechersky (Based on the Literary Works of the 1840s–1860s)*]. Yoshkar-Ola, Mordovia State Pedagogical Institute named after M. Ye. Evsev'eva Publ., 2007. 144 p.
2. Burkhanov R. A. Strannichestvo na Rusi: filosofsko-antropologicheskie i sotsiokul'turnye smysly [Pilgrimage in Old Russia: Philosophical, Anthropological and Sociocultural Aspects]. *Vestnik Nizhnevertovskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Nizhnevertovsk State University*], 2012, issue 3: Cultural Science. Philosophy. Sociology. Available at: vestnik.nvsu.ru/arhiv/30/273.pdf (accessed 15 August 2016).

3. Gromyko M. M. Strannopriimstvo [Hospitality]. *Svyataya Rus'. Entsiklopedicheskiy slovar' russkoy tsivilizatsii* [Holy Russia. *Encyclopedic Dictionary of the Russian Civilization*]. Moscow, Orthodox Publishing House "Entsiklopediya russkoy tsivilizatsii", 2000, p. 483. Available at: http://royallib.com/read/platonov_o/entsiklopedicheskiy_slovar_russkoy_tsivilizatsii_svyataya_rus.html#9871360 (accessed 10 August 2016).
4. Dorofeev D. *Vvedenie v istoriyu strannichestva v zapadnoevropeyskoy i russkoy kul'turakh* [Introduction to History of Pilgrimage in Western European and Russian Cultures]. Available at: <http://anthropology.rchgi.spb.ru/dok16.htm> (accessed 14 August 2016).
5. Dutchak E. E. *Staroobryadcheskoe soglasie strannikov (vtoraya polovina XIX–XX vekov). Dis. ... kand. istoricheskikh nauk* [Old Belief Consent of Wanderers (Stranniki) (Second Half of the 19th–20th Centuries). PhD. *histor. sci. diss.*]. Tomsk, 1994. 276 p.
6. Dutchak E. E. *Iz «Vavilona» v «belovod'e»: adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX — nachalo XXI vekov)* [From "Babylon" to "Belovodie": The Adaptive Capabilities of Boreal Communities of Old Believers-Wanderers (Second Half of the 19th and Early 21st Centuries)]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2007. 414 p.
7. Zhitova T. A. *Ideyno-khudozhestvennaya kontseptsiya pravednichestva v poezii N. A. Nekrasova. Dis. ... kand. filol. nauk* [The Ideological and Art Concept of Righteousness in N. A. Nekrasov's Poetry. PhD. *philol. sci. diss.*]. Moscow, 2006. 197 p.
8. Korovin V. Yu. *Nravstvennye osnovaniya russkogo strannichestva. Dis. ... kand. filosofskikh nauk* [Moral Foundations of Russian Pilgrimage. PhD. *philos. sci. diss.*]. Voronezh, 2009. 143 p.
9. Kudryashov I. V. *Problema dukhovnoy samoidentifikatsii v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka: aksiologiya natsional'noy zhizni* [A Problem of Spiritual Self-Identification in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: Axiology of National Life]. *Zhizn' provintsii kak fenomen dukhovnosti* [Province Life as a Phenomenon of Spirituality]. Nizhniy Novgorod, Vektor-TiS Publ., 2006, pp. 147–150.
10. Leshchinskiy A. N., Leshchinskiy L. A. *Istinno-pravoslavnye khristiane stranstvuyushchie, beguny, podpol'niki, sopolkovtsy, stranniki* [The True Orthodox Christians–Wanderers, Runaways (beguny), Hiders (podpol'niki), Sopolkovets, Wanderers (stranniki)]. *Entsiklopediya religiy* [Encyclopedia of Religions]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Gaudeamus Publ., 2008, part 2, pp. 564–565.
11. Mal'tsev A. I. *Starovery-stranniki vo vtoroy polovine XVIII — nachale XIX veka* [Old Belief Wanderers in the Second Half of the 18th and Early 19th Century]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf Publ., 1986. 473 p.

12. Mal'tsev A. I. K voprosu o vozniknovenii strannicheskogo soglasiya vo vtoroy polovine XVIII veka [More on the Genesis of a Wandering ("strannichesky") Consent in the Second Half of the 18th Century]. *Traditsionnaya dukhovnaya i material'naya kul'tura russkikh staroobryadcheskikh poseleniy v stranakh Evropy, Azii i Ameriki* [Traditional Spiritual and Material Culture of the Russian Old Belief Settlements in the Countries of Europe, Asia and America]. Novosibirsk, Nauka, Siberian Office Publ., 1992, pp. 312–321.
13. Mal'tsev A. I. Ob odnom iz osnovnykh aspektov veroucheniya staroverov-strannikov [About One of the Main Aspects of Dogma of Old Belief Wanderers]. *Kniga i literatura v kul'turnom kontekste* [The Book and Literature in a Cultural Context]. Novosibirsk, 2003, pp. 447–452.
14. Mal'tsev A. I. Problemy tserkovnoy organizatsii i upravleniya v sochineniyakh staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX — nachalo XX veka) [The Problems of Church Organization and Management in Works of Old Belief Wanderers (the Second Half of the 19th and Early 20th Century)]. *Istoricheskie i literaturnye pamyatniki «vysokoy» i «nizovoy» kul'tury v Rossii XVI–XX vekov* [Historical and Literary Monuments of "High" and "Local" Culture in Russia of the 16th–20th Centuries]. Novosibirsk, Siberian Office of RAS Publ., 2003, pp. 157–176.
15. Mokletsova I. V. Palomnicheskaya traditsiya vchera i segodnya [A Pilgrim Tradition Yesterday and Today]. *Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo. Ofitsial'nyy sayt* [Imperial Orthodox Palestinian Society. Official Web Site]. Available at: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/palomnicheskaya-traditsiya-vchera-i-segodnya-iv-mok-200614#t1> (accessed 12 August 2016).
16. Trofimova E. A. Obraz strannika v russkoy kul'ture Serebryanogo veka [An Image of the Pilgrim in Russian Culture of the Silver Age]. *REGIONOLOGIYA REGIONOLOGY*, 2014, no. 4. Available at: <http://regionsar.ru/node/1344?page=0,0> (accessed 12 August 2016).

Дата поступления в редакцию: 20.08.2016